Новая газ. —

Михаил ПИОТРОВСКИЙ:

Эрмитаж – цифровые технологии XIX века

Из восьми-десяти олигархов только один не вкладывает деньги в культуру

Михаила Борисовича Пиотровского нам удалось поймать в «Шереметьево-1» между рейсами. Директор крупнейшего музея страны летел из Петербурга в Иркутск, чтобы лично представить проект «Эрмитаж в Сибири», а потом отправиться в Давос. На международном экономическом форуме — речь и о том, как строить отношения между большим искусством и большим капиталом.

ИТАР-ТАСС

Михаил Пиотровский: он живет в этой пене, из которой она (Афродита-Венера) вышла

— Вы подготовили грандиозную выставочную программу специально для сибирских музеев...

— Мы не считаем, что Сибирь чем-то отличается от других регионов, кроме того, что им нужно привезти как можно больше разных «сторон» Эрмитажа, потому что не все, к сожалению, могут приехать в Петербург. А в смысле восприятия публика там точно такая же, как и везде.

Программа «Эрмитаж в Сибири», наш совместный проект с компанией «Базовый Элемент», началась в Новосибирске осенью 2003 года и продолжится в нескольких сибирских городах. Она принципиально отличается от гастролей советских времен, когда хоть что-нибудь показать уже считалось замечательным. Сейчас мы везем не просто «вещички из Эрмитажа», а сам Эрмитаж — такова наша политика. Все, чем занимается Эрмитаж, будет в уменьшенном масштабе показано в Сибири в течение этого года.

— А чья это все-таки была инициатива — ваша или «Базового Элемента»?

— Я вам расскажу, как это было. Мы были первым музеем, который прекратил всякую езду по России, потому что это было небезопасно: никто не хотел оплачивать страховку. Хотя нам что Лондон, что Казань — нет разницы. Просто требования у нас ко всем городам одинаково высокие.

Сибирь всегда была местом, куда хорошо было бы поехать Эрмитажу, только никаких денег не хватало. Вот я смотрю на свой билет в Иркутск и в ужасе понимаю, что на эти деньги можно три раза слетать в Париж. И когда ко мне пришел Олег Дерипаска, я ему выложил целый набор разных проектов: строительных, реставрационных, в том числе и проект с Сибирью, на который мы уже давно пытались кого-то сподвигнуть. Он сказал, что как раз Сибирь их компании интересна. Потом устроили конкурс музеев городов Сибири — пока выбрали шесть, дальше, надеемся, будет больше. И подготовим новые экспозиции.

— От 300-летия Петербурга было больше суеты или пользы? «Достоевские углы» за подкрашенными фасадами, официозный синдром потемкинских деревень — это про вас?

— Во-первых, Петербург сегодня — это Петербург Достоевского. С этим ничего не поделаешь. Петербург вообще город немножко обшарпанный, как гравюры Пиронезе, в нем заложено что-то такое. Второе: никаких потемкинских деревень, как известно, вообще не было. Это мифотворчество. В-третьих, — к разговору о фасадах — заместитель Лужкова как-то мне говорил: «Фасады, фасады! А в Москве с чего начинали? С них же!». Если человек хочет вылезти из грязи, то сначала он должен начинать чистить обувь и надевать чистое белье. К 300-летию в Петербурге был более или менее поправлен внешний вид, очень приятно, что сейчас, после торжеств, снова ставят леса и начинают что-то делать.

— 27 января город отмечает другой юбилей — 60 лет со дня снятия ленинградской блокады. Каким осталось это время в истории Эрмитажа?

— Все время блокады мой отец *(Борис Борисович Пиотровский был директором Государственного Эрмитажа с 1964 по 1990 год. — Ред.)* провел в Эрмитаже. Всех ужасов никогда ни он, ни его друзья не рассказывали. Они пытались сохранить музей. Это не стойкость солдата, который кидается на амбразуру, а стойкость человека, который вовсе не обязан быть стойким, имеет полное право лечь в угол и умереть. У них внутри было что-то такое тихое и спокойное, что, собственно, и сделало снятие блокады самой большой — прежде всего моральной — победой над фашистской Германией.

«Если у человека есть вкус, некоторых вещей он не делает никогда»

Все музеи эвакуировались, но только Эрмитаж стал символом победы добра над злом и культуры над варварством. Я надеюсь, что этот подвиг никогда не будет забыт. Блокада в XX веке — это ведь средневековая форма войны, специально затеянная фашистами, такой большой концентрационный лагерь. Победа над блокадой — это была не военная победа, а победа духа, тогда речь шла именно о духе, о добре и зле.

Сотрудники музея успели спасти почти все экспонаты Эрмитажа. Удивительно, что все 900 дней блокады Эрмитаж работал. Это был какой-то сюрреализм, когда экскурсии проводились по залам, где висели пустые рамы. И это делалось не только для поднятия духа: рамы оставили для того, чтобы потом было легко все развесить на место. Экскурсоводы рассказывали о тех картинах, которые сюда вернутся. Работникам Эрмитажа было важно показать, ЧТО они защищают.

В связи с юбилеем снятия блокады мы готовим целую серию мероприятий. В ближайшие дни откроется новая, постоянно действующая экспозиция в подвале Эрмитажа, где было бомбоубежище, в котором жила и умирала петербургская интеллигенция; это место, где до сих пор на стене написано: «Не трогай мои чертежи!». Подготовленная заранее пробная выставка получилась потрясающей — со звуками радио военного времени, с грохотом бомбежки...

И празднование 300-летия Петербурга мы начали с того, что провели детей по залам, в которых были сняты картины, и показали им, как эти залы выглядели во время войны. В честь победы над блокадой на Дворцовой площади зажгутся 900 свечей, огромный венок будет положен вокруг Александровского столпа. В Георгиевском зале оркестр Эрмитажа исполнит произведения Шостаковича, связанные с блокадой.

— И все-таки что хорошего дал музею город в год своего юбилея?

— Эрмитаж ничего особенного не получил. Несколько миллионов выделили на организацию выставок. Мы сами заработали эти деньги и поэтому дарили подарки себе и городу — например, фондохранилище, построенное с большим трудом, частично на государственные деньги, частично на спонсорские. Мы изменили топографию Петербурга — открыли вход с Дворцовой площади, через двор Зимнего дворца. (До сих пор многие десятилетия публика входила в Эрмитаж с Дворцовой набережной.) Людям даже стало приятно стоять в очереди. С помощью наших друзей мы отреставрировали ряд залов.

— Вы упомянули спонсоров. Возникает вопрос о влиянии крупного капитала на формирование программной политики Эрмитажа.

— Я бы ответил, скажем, так, грубо: исключено влияние на нашу программу как крупного капитала, так и государственных политических интересов. Потому что Эрмитаж лучше знает, что ему нужно. Наш музей и есть главный памятник русской государственности.

Одна из наших задач — воспитывать хороший вкус и понимание отечественной истории, так же как прививать хороший вкус в современном искусстве. Поэтому и с большим капиталом, и с государством мы находимся в партнерских отношениях, то есть обсуждается каждый шаг. Люди, инвестирующие средства в наши проекты, могут отслеживать, куда уходят их деньги.

— Эрмитажу удается оставаться процветающим культурным центром при недостатке государственного финансирования. Вы неоднократно говорили о том, что музей зарабатывает самостоятельно, причем не только за счет привлечения меценатов и спонсоров...

— Наш бюджет делится на две примерно равные части: в этом году государство субсидирует нас на 60% (обычно где-то на 50%). Это те деньги, которые выделяются на реконструкцию, реставрацию и т.д. Вторая часть денег — это то, что мы сами генерируем. Каким образом? Несколько источников дохода — в основном деньги за билеты, за лицензирование на фото- и киносъемки, плата за услуги, которые оказывает музей, компенсация за зарубежные выставки и как одна из долей, причем не самая большая, — деньги спонсоров.

— Где в музейном деле заканчивается культура и начинается бизнес? Или дело просто в совести?

— В том-то и дело, что точной границы нет. Это, пожалуй, интуиция, я бы даже сказал: художественный подход к бизнесу.

— Как вы думаете, если бы не было олигархов и спонсорских денег, возможно, государство внимательнее относилось бы к музеям?

— Во-первых, до появления олигархов государству не было стыдно за невнимание к культуре, много лет у нас вообще не было никаких денег. Из восьми-десяти крупнейших олигархов только один пока не вкладывает деньги в культуру.

«В блокаду экскурсии проводились по залам, где висели пустые рамы»

— Ходорковский тоже помогал?

— Да, он вкладывал деньги в наш проект с Липецком, помогал делать выставку в Лондоне.

Все они люди серьезные, тот же Потанин например. Сначала на нас всем было наплевать, потом — когда мы стали каким-то образом выкручиваться — олигархи поняли, что с нами можно иметь дело, государству стало немножко «завидно»... Еще есть такая философия: культура не может существовать самостоятельно, она не может полностью зарабатывать себе на жизнь, иначе станет коммерцией, поэтому ее должно содержать общество.

У общества есть несколько путей. Один — советско-французский, через налоги, через государство, которое культуру содержит. Другой способ — американский, где меценаты поддерживают культуру и каждый житель округи вкладывает в нее собственные деньги через покупку билетов. Третий вариант — комбинировать несколько путей. По-моему, у русской культуры этот третий вариант сейчас получается.

— А олигархи входят в азарт от сотрудничества с вами?

— Конечно, им самим становится очень интересно с нами работать. Возникают новые идеи, предложения.

— Вы зампред Совета по культуре при президенте РФ. Каково ваше мнение: в большой политике есть место большой культуре?

— Я думаю, есть. Большая культура — это все равно витрина страны. Надо понимать, что во многом иностранцы до сих пор смотрят на Россию через призму русской культуры. Это четко видно и в том, как работает музей, и в том, как танцуют балерины. Есть понимание того, что период полного ужаса прошел, по-моему, уже настало время, когда самим политическим деятелям культура стала интересной. И Совет при президенте — совсем не декоративная организация, там действительно принимаются решения.

— Эрмитаж наряду с Мариинским театром — классический символ Петербурга, при этом вы стремитесь модернизироваться: то цифровая коллекция, то интернет-кафе открывается. Сайт Эрмитажа — на вершинах рейтингов, а директор непринужденно болтает с посетителями в интернет-форумах... Не боитесь потерять образ?

— Это сложно, потому что мы не ставим себе задачу модернизироваться. Меня часто спрашивают: «Что вы изменили за время своего управления Эрмитажем?». Да ничего не изменил и стараюсь не изменять! Мы — музей XIX века и пытаемся сохранить дух XIX века, а вот для сохранения этого духа мы используем цифровые технологии, интернет-кафе, электронный магазин. Какие бы мы магазины в Эрмитаже ни пытались сделать, ничего не получалось. И я понял: дворец магазин отторгает, магазин во дворце — это плохо, вот кафе может быть; тогда мы сделали магазин в интернете.

— Вы готовы работать с современным искусством?

— Одна из наших задач — воспитать хороший вкус к современному искусству. Сейчас все искусство кругом называет себя современным, и зритель наш немного в растерянности. Половина того, что принято считать современным искусством, — это шарлатанство.

На самом деле мы постоянно делаем выставки высококлассного современного искусства. Критерием для нас в этом вопросе служат оценки наших западных коллег: то, что сейчас по-настоящему знаменито или наверняка вписано в историю искусства. Меня спрашивают: «Что, надо умереть, чтобы нас выставили?». «Да, надо умереть», — отвечаю им. Мы не взяли Деймиана Херста, который был выставлен в Русском музее, потому что там были только рисунки, а знаменит он именно инсталляциями. Для нас самое главное — не опустить уровень. Установленная нами планка требует больших средств. На это надо все время искать деньги — самим.

— Эрмитаж — это не только уникальное собрание искусства, это еще и легендарные стены, имперский дух...

— Конечно, стены помогают, но они еще и очень обязывают. Очень много есть такого, что везде можно, а у нас нельзя. Во всех музеях мира принято справлять дни рождения богатых людей в музеях, у нас этого нельзя.

— Корпоративных праздников и презентаций не бывает?

— Никогда. И я против слова «презентация»: есть хорошее русское слово «представление». Так вот, «представлений» тоже не бывает. Еще у нас табу на матрешки, потому что стиль другой и энергетика другая.

— Вы часто подчеркиваете, что основная ваша задача — образовательная и воспитательная. Разве этика и эстетика всегда сходятся?

— Мы воспитываем культуру потребления искусства, восприятие истории через культуру. Если у человека есть вкус, некоторых вещей он не сделает никогда. И все.

— В эпоху виртуальности вы делаете ставку на вещественность?

— Да, в этом как раз и заключается ценность музеев, кстати, в эпоху виртуальности вещественность начинают особенно ценить.

— Как сейчас развивается ставшая скандальной история с передачей Балдинской коллекции Германии?

— Сейчас ситуация не движется. Эрмитаж выдал прекрасный рецепт: поскольку эта коллекция по закону должна вернуться, надо сделать красивый жест, но оставить двадцать важных для нас вещей в Эрмитаже. Конечно, это замечательная коллекция рисунков, но они в основном представляют интерес для специалистов. Эти вещи находятся в Москве, с ними работают. Их можно показать однажды, их можно издать, и это все уже сделано. А весь этот пиар нашей репутации только навредил.

— Выходит, отдавать тоже уметь надо.

— Надо уметь все правильно просчитывать.

● Беседовали
Анна ЭПШТЕЙН
и Наталия САВОСЬКИНА